

На правах рукописи

АБРАМОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ БАРДЫМСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

22.00.04. –
социальная структура, социальные институты и процессы

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**



ПЕРМЬ 2005

Работа выполнена на кафедре культурологии Пермского государственного технического университета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент Кабацков Андрей Николаевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Семенов Владимир Львович

кандидат социологических наук,
доцент Змеев Михаил Владимирович

Ведущая организация: Уфимский государственный авиационно-технический университет

Защита состоится «9» июня 2005 г. в 15-00 час. на заседании Диссертационного совета К 212.188.01 по присуждению ученой степени кандидата социологических наук в Пермском государственном техническом университете по адресу: 614600, Пермь, Комсомольский проспект 29, корпус 1, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Пермского государственного технического университета.

Автореферат разослан «30» апреля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор



С.П. Парамонова

2005-4
29053

390890

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы Российское общество в настоящий момент продолжает существовать в условиях институционального кризиса. Новые формы общественного согласия еще не укоренились в коллективном сознании. Не завершилось и формирование новых механизмов социального взаимодействия и контроля. Проявления социальной неупорядоченности человек может ощутить вновь и вновь в самых разных ситуациях. Они касаются производственных отношений, требующих освоения новых процедур поиска работы, затрагивают частную жизнь. И тогда человеку постсоветской эпохи приходится переустраивать свой быт, заново определять символическое значение смысловых координат повседневности. В этой череде постоянно меняющихся социальных ориентиров индивид теряет свою идентичность. В его сознании оседают впечатления, говорящие о социальной чужеродности нового мира, нового общества, социальный смысл которого невозможно раскрыть посредством привычных моделей социального интерпретирования. Социальный проект собственного будущего, как важнейший фактор социального поведения, в таких условиях становится разобренным и эклектичным.

В этом процессе социального освоения новой действительности постсоветский индивид отказывает в доверии социальной информации, если она не опирается на его личные ощущения, не подтверждается собственной интерпретацией. Без такого социального доверия становится затрудненной обезличенная социальная коммуникация, составляющая основу взаимодействия в индустриализованном социуме.

В тоже время, в эту эпоху институциональной неоднородности, развертывается процесс формирования новых социальных образцов поведения на основе самых разнообразных форм социальной солидарности. Иначе говоря, человек эпохи социального кризиса вынужден принимать участие в самых разнообразных вариантах новой социальной идентификации. Одним из вариантов формирования новой социальной солидарности становится идентификация по национальному образцу. Она предлагает индивиду опереться на мифологизированную версию историко-культурной традиции, организовать и интерпретировать при ее помощи самые различные социальные проекты и метаморфозы. «Социальное расколдование» этих процессов является необходимым элементом в современном обществе. Такая задача формируется социальным запросом общества на изучение социологом, при помощи специальных рационализированных методов научного анализа, процессов новой социальной идентификации в целом, а национальной идентификации в частности. Последняя требует особенно пристального рассмотрения, так как представляет собой специфическую модель социальной модификации культурного наследия, оставшегося от прежних эпох. И в этом она может вступать в противоречие с рационализированными социальными устремлениями людей.

Множество вопросов связанных с национальными отношениями и социальными противоречиями ими порожаемыми, несмотря на обилие публикаций на

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.Петербург
200 5РК

эту тему, остаются политически ангажированными и идеологически звучащими в дискурсах власти, которые чужды рациональному научному познанию. Ни для общества, ни для научной мысли эти дискурсы не могут решить социальных вопросов связанных с практиками повседневного взаимодействия, что делает проблематику национальных исследований актуальной и востребованной современным социальным знанием.

Объектом исследования выступает российское общество в условиях масштабного социального кризиса постсоветской эпохи. **Предмет исследования** – процесс национальной идентификации определенной социокультурной группы в условиях трансформирующегося общества. Речь идет об этнических гайнинцах, проживающих на территории Бардымского района Пермской области.

Степень разработанности проблемы в научной литературе. Исследования проблемы межнациональных отношений опираются на богатую социальную традицию. Национальная тема в разные годы была предметом пристального внимания западных и отечественных исследователей, проводивших свои работы в самом разном методологическом ключе. Перипетии формирования национальной мысли, берущей начало в эпоху Просвещения, корректно и обстоятельно изложены в диссертации А.В. Лукиной, в 2004 г. защищенной в Уральском государственном университете.¹ Отметим сразу, что по национальной проблематике были защищены и другие кандидатские диссертации.² Это обстоятельство избавляет нас от необходимости углубляться за пределы современного социологического знания.

В литературе, посвященной этой проблеме, конкурируют сегодня несколько концепций. Среди них наиболее сильные позиции занимают две парадигмы – *примордиальная*, представленная в России именами Ю.В. Бромлея, М.В. Крюкова, В.И. Семенова, М. Н. Руткевича, С.И. Кравченко³, и *конструктивистская*,

¹ Лукина А.В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект). Рукопись. Диссертация защищена 23.11.2004. в Диссертационном совете Д 212.286.08. при УрГУ.

² Сергеева С.В. Этнонациональные процессы западноуральского региона на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени к.с.н., Пермь. 1999.; Зайнетдинова Л.Ф. Этносоциальная стратификация Российского общества в условиях реформы. Региональный аспект (на примере республики Башкортостан). Диссертация на соискание ученой степени к.с.н., Уфа. 2003.; Попов Д.И. Социальная структура сельского населения в современных условиях (на примере республики Башкортостан). Диссертация на соискание ученой степени к.с.н., Пермь 1999.

³ Сикевич З.В. Социология национальных отношений. - СПб., 1999; Сковцов Н.Г. Этничность и трансформационные процессы // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. - СПб., 1995; Арутюнов С.А. Этничность — объективная реальность // Этнографическое обозрение 1995. № 5. С. 7; Сусоколов А.А. Структурная самоорганизация этноса // Расы и народы № 20 - М., 1990.; Козлов В. И. Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль 1996. № 6.; Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей

развиваемая в трудах В. Тишкова, Г. Дилигенского, Л. Дробижевой.⁴ Здесь названы только некоторые имена. Дискуссия между этими двумя направлениями в отечественной социологии коррелирует со спорами, не затихающими в западной науке. Там первую позицию защищали К. Гирц, Ю. Смит⁵. Вторую – Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, Э. Гелнер.⁶

В примордиалистской парадигме нации представлены как высшая форма развития этнических групп, сохраняющих в себе как коллективную память об историческом, так и неизменные черты особого национального характера. В конструктивистской парадигме – нация, прежде всего, продукт исторического раз-

//Советская этнография. 1986. № 3; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983; Уталиева Ж.Т. Язык как фактор формирования этнической идентичности. – М.: 1994; Сикевиц З.В. Национальное самосознание русских. – М., 1996.; Кцолева Г.У. Этнические стереотипы в системе межэтнических отношений: Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. – М., 1995; Скворцов Н.Г. Этничность, раса, способ производства: неомарксистская перспектива //Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Том 1. №1. с. 53-71.; Шафаревич И. Русофобия. – Л. 1990.

⁴ Белков П.Л. О методе построения теории этноса //Этносы и этнические процессы. – М. Наука. 1993. С. 48-61; Дробижева Л.М., Дасен Д.В., Кузнецов И.М. и др. Социология межэтнической толерантности. – М., 2003; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997; Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века //Этничность и власть в полиэтнических государствах. – М., 1993. С.35-70.; Кудрин А.В. Рабочие материалы к диссертации «Социальные проблемы гармонизации межэтнических отношений в «сложноструктурных» субъектах Российской Федерации». – Архив Пермского государственного технического университета.; Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. – М., 1951.; Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания //Этнографическое обозрение. 1994. №2. С.3-17.; Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск. 1997. 268 с.; Чаквин И.В., Терешкович П.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV-нач.XX вв.) //Советская этнография. М. 1990. №6. С.42-54.; Червоная С.А. Возможно ли единство во множестве? (К проблеме американской идентичности) //США – экономика, политика, идеология. 1997. №10. С.3-16; Чешко С.В. Ответ оппонентам //Этническое обозрение. 1995. №5. С.11-13.

⁵ Смит Э. Национализм и модернизм.- М., 2004. 464 с.; Гирц К. Интерпретация культур. – М., 2004. 560 с

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М., 2001. 288 с., Гелнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса.//Нации и национализм. – М., 2002.. С.146-200.. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. 307 с., Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991) – М. 2004. 632 с.. Хобсбаум Э. Век революций Век капитала. Век империй. В 3-х т. – М., 1999..

вития, порожденный индустриальной эпохой. Это воображаемая социальная общность, формируемая массовой стандартизированной культурой. «Это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-нации, встречаться с ними, или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности».

Заметим, что в дискуссиях о природе национальных отношений сторонники противоположных подходов апеллируют к марксистской традиции. Примордиалисты тяготеют к сталинскому определению нации, согласно которому нация должна обладать четырьмя основными признаками: общностью территории, общностью языка, общностью экономической жизни, и общностью психического склада, проявляющегося в специфических особенностях национальной культуры: «есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец. Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией».⁸ Их оппоненты охотно цитируют О. Бауэра: «Никогда нация не есть только естественная общность, она всегда еще и культурная общность (Kulturgermeinschaft)».⁹

Отметим, что обе школы сходятся в одном. Для современной России возрастает значимость национальных отношений в системе отношений социальных.

В последнее десятилетие опубликованы сотни работ, посвященных этой тематике.¹⁰

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М., 2001. С. 30-31.

⁸ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. – М., 1952. Т.2 С. 138.

⁹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия//Нации и национализм. – М., 2002. С.59.

¹⁰ Абдулатипов Р.Г. Человек. Нация. Общество, - М., 1991, Арутюнян Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание// Социс. 1990. №7. С. 42 - 49.; Дробичева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. – М., 1996; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997.; Ислаев Ф.Г. О происхождении пермских татар. Казань. 1995., Крысько В.Г. Состояние и перспективы развития этнопсихологии в России //Мир психологии. 1996. № 2 (7). С. 114 - 127; Минюшев Ф.И. Социальная антропология – М., 1997; Кцосва Г.У. Этнические стереотипы в системе межэтнических отношений. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ - М., 1995.; Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. - М., 1993; Левада Ю.А. Новый русский национализм. амбиции, фобии, комплексы

Изучение межнациональных отношений в Пермской области осуществляется с 1993 г., когда под руководством М. Писманника было проведено социологическое исследование «Религиозные исследования в Прикамье в конце 80-х – начале 90-х г.г.». Затем, год спустя, научный коллектив кафедры социологии и лаборатории социологии ПГТУ под руководством М.А. Слюсарянского выполнил областной социологический опрос на тему «Проблемы национальных отношений в условиях перехода к рынку (региональные особенности)». В течение 2-х лет сотрудники института этнологии и антропологии РАН (рук. Н.А. Дубова) собирали социальные данные в рамках проекта «Характеристика этно-социальных процессов в Пермской области в условиях перехода к рынку». В 2000-2001 г.г. по заказу Администрации Пермской области сотрудники Гуманитарного факультета и кафедры культурологии ПГТУ (О. Лейбович, В. Стегний, А. Кабацков, Н. Шушкова) провели полевое социологическое исследование в г. Перми: «Национальный вопрос в городском сообществе. Межнациональные отношения в большом уральском городе на исходе XX века»¹¹ Социологические исследования, выполненные на территории Пермской области, создали основания для последующих работ, нацеленных на изучение процессов национальной идентификации на отдельных территориях, меняющих повседневную жизнь людей, принадлежащих к специфическим социокультурным общностям.

Методологической основой исследования является конструктивистская теория нации, опирающаяся на две интеллектуальные традиции: марксистскую и веберийскую. Вслед за К. Марксом нация рассматривается в контексте исторического процесса становления буржуазного общества. Экспансия рынка за пределы локальных общностей является условием генезиса национальных связей в масштабах страны. В условиях повышенной социальной конфликтности нацио-

//Экономические и социальные перемены. 1994. №1. С.15-17.; Мнацаканян М.О. Нации: психология, самосознание, национализм. (интегральная теория). - М., 1999; Национальный вопрос в городском сообществе. Социокультурные характеристики межнациональных отношений в большом уральском городе на исходе XX века. - Пермь, 2003; Стефаненко Т. Этнопсихология. - М., 1999.; Татарникова Л.Н. Национальное самосознание и факторы этнической идентификации //Межнациональные взаимодействия и проблемы управления в Поволжье и на Северном Кавказе. - Саратов, 1998. Ч.2. С. 42-45.; Тишков В.А. Об идее нации //Общественные науки. 1990. № 4. С. 83-95; Уталиева Ж.Т. Язык как фактор формирования этнической идентичности. - М., 1994.; Этнические проблемы регионов. Пермская область - М., 1998.

¹¹ Лейбович О., Стегний В., Кабацков А., Шушкова Н. Образ «другого» в социальном сознании горожан. //Мир России. 2004. Том XIII. №2. С. 43-65., Национальный вопрос в городском сообществе. Социокультурные характеристики межнациональных отношений в большом уральском городе на исходе XX века. - Пермь, 2003. 328 с., Кабацков А. Роль ТВ в формировании политического национального сознания.//Политический альманах Прикамья. Вып. 2. - Пермь, 2002.. Межэтнический мир Прикамья. В 2-х т. (под ред. Дубовой Н.А.) - М. 1996.

нальная идентичность является противоречием формирующемуся классовому самосознанию. Вслед за М Вебером, особое внимание уделяется культурным компонентам социальных процессов: ценностям, символам, ориентациям, традициям. Национальные отношения не могут рассматриваться в отрыве от иных форм социальных отношений, в том числе экономических и политических. В свою очередь, национальная идентификация есть способ социального самоопределения, реализуемый на языке присвоенной культуры.

Эмпирическая база исследования выстроена в соответствии с заявленными методологическими основаниями, а также с опорой на результаты социологических исследований проведенных в Пермской области в 1990-2004 гг. по проблемам межнационального взаимодействия народов Прикамья. В этих, уже упоминавшихся исследовательских проектах социологи получили богатый эмпирический материал, применяя преимущественно количественные методы (стандартизированные опросы, анализ статистических данных, формальный контент-анализ). В таких условиях, использование качественных методов позволяет взглянуть на имеющиеся данные с позиций участников этих национальных взаимоотношений и раскрыть неявные смыслы.

Национальная идентификация представлена в вербальных формах, выраженных в повседневной речи. Исходя из этого, эмпирическим источником для изучения национальной идентификации жителей Бардымского района, по своему этническому происхождению, гайининцев, являются глубинные стандартизированные интервью. Речь идет о применении качественных методов исследования, которые «ориентированы не на массовый сбор данных, а для достижения углубленного понимания исследуемых социальных явлений»¹². Для качественных методов характерен строгий отбор респондентов по социокультурным признакам. Каждый из собеседников представляет определенную группу, более того, является одним из лидеров ее коллективного мнения, как по своему статусу, так и по индивидуальным способностям к коммуникации. Диалог с респондентом выстраивается на основе вопросов, побуждающих к пространным свободным рассуждениям, открывающим возможность для развернутой самопрезентации и самореализации, для открытия потаенных символических смыслов. Результаты интервью не подвергаются квантификационным процедурам. Дело в том, что «в отличие от количественного подхода, в качественных исследованиях трудно предложить какие-либо правила для определения размеров выборки <...> Исследователь может опрашивать большие группы людей по нескольким вопросам или одного-единственного человека, беседуя с ним много дней или даже недель. Все здесь определяется целью исследования <...> Логика построения целеориентированной выборки сильно отличается от логики вероятностной выборки <...> Критерий максимизации получаемой информации требует, чтобы форми-

¹² Белановский С. Методика и техника фокусированного интервью. М. Наука. 1993. С. 30.

рование выборки прекращалось только в тот момент, когда уже не ожидается дополнительной информации от включаемых в выборку случаев».¹³

В исследовании полученная информация представлена в прямых цитатах, не подвергнутых редактированию

В течение 2004 г. автор провел личные беседы с 28 жителями Бардымского района: чиновниками администрации, работниками школ и правоохранительных органов, священнослужителями, пенсионерами. Среди интервьюированных 11 мужчин и 17 женщин, преимущественно, с высшим образованием, принадлежащих к разным возрастным когортам.

Цель исследования – определить социальные параметры процесса национальной идентификации на территории Бардымского района Пермской области

Данная цель определяет и конкретные исследовательские задачи:

- выделить место национальной идентификации в современной социологической традиции, определить ее социальную специфику;

- определить место национальной идентификации в процессе социальной трансформации комплекса социальных идентификаций, которыми оперирует индивид в индустриализированном социуме;

- охарактеризовать личностный аспект национальной идентификации как особый механизм функционирования когнитивно-познавательной модели освоения социального мира современным человеком;

- рассмотреть специфику национальной идентификации в системе социальных координат постсоветского общества;

- описать условия национальной идентификации в конкретной территориальной общности, входящей в административно-территориальный анклав Пермской области;

- выделить основные социальные идентификаторы, входящие в национальную модель социального конструирования жителей Бардымского района;

- обозначить конфликтные поля социальной идентификации опирающейся на национальную версию социального распознавания индивидов;

Научная новизна исследования. В ходе исследования получены результаты, имеющие значимость для социологии социальных процессов, социальной структуры и социальных институтов, а именно:

- систематизирована социологическая традиция исследования проблемы национальной идентификации индивидов в современных обществах, определена социальная модель национальной идентификации в современных условиях, уточнено актуальное социальное содержание национальной идентификации в трансформирующемся обществе;

- выявлены социальные, экономические и политические условия национальной идентификации на территории Бардымского района;

- на основе анализа социальных отношений в реальном территориальном анклав выявлены социальные индикаторы, используемые индивидами при про-

¹³ Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях – М., 1999. С 90-91.

цедурах национальной идентификации себя и окружающих в своей повседневной жизни: языковые, церемониальные, территориальные. Национальное самоопределение происходит в треугольнике «Пермь – Казань – Уфа» Оно предполагает сложноорганизованную и переменную социокультурную коммуникацию, для которой характерны одновременно и оппозиция и притягивание

Тезисы, выносимые на защиту.

1. Национальная идентификация в условиях трансформирующейся институциональной реальности становится значимым элементом социальной практики и выполняет функции социального регулятора самых сложных социальных отношений.

2. Национальная идентификация, войдя в систему социальных отношений современного общества, становится источником социальной напряженности даже при отсутствии реальных социальных конфликтов, в силу своей личностной интерпретации универсальных моделей социального взаимодействия и соответственно выступает консерватором социальной динамики в современном социуме.

3. Гайнинское по своему этническому происхождению население Бардымского района конструирует собственную национальную идентичность по образцам, заимствованным из родственных культур, придавая им собственную интерпретацию.

Практическая значимость работы определяется целями, методами и результатами исследования. Изложенные в диссертации положения могут быть использованы для:

- регулирования национальных отношений в сельских национальных районах;
- эмпирических исследований национальных отношений, на основе предложенных и апробированных техник;
- применения в преподавательской работе в таких учебных курсах, как социология межнациональных отношений, социология реформ, социология культуры, а также политическая социология

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены в ходе выступлений на шести научных и научно-практических конференциях всероссийского и регионального уровня в 2002-2004 г.г., а также на научно-методологических семинарах кафедры культурологии ПШТУ.

Работа состоит из двух глав, введения и заключения. В приложении содержится список литературы, а также текст избранных интервью взятых в ходе исследования процессов национальной идентификации.

Основное содержание работы.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, анализируется степень ее разработанности, формулируются цели и задачи исследования, характеризуется теоретическая и методологическая основа работы, ее научная новизна.

В первой главе «Национальная идентификация как социокультурный процесс» выстроена теоретико-методологическая модель исследования национальной идентификации в контексте масштабной трансформации социальных институтов. Для этого проведен аналитический разбор социологической традиции изучения проблем национальной идентификации: обозначено место национальной идентификации в системе других социальных идентификаций, которыми оперирует социальный индивид в повседневной деятельности; показано место национальной идентификации в системе социально-психологической личностной идентификации индивида; а также, определены особенности процессов национальной идентификации в постсоветском социальном пространстве

В первом параграфе «Тема национальной идентификации в социологической традиции» показано, что проблема национальной идентификации обсуждалась неоднократно на протяжении XX века. Сформировалась богатая исследовательская традиция, в рамках которой велась разработка феноменов нации и национализма. Проблема национальной идентификации не была стержневым сюжетом этих исследований, но, она затрагивалась в связи с вопросами происхождения и становления новых национальных сообществ.

Предлагается рассматривать национальную идентификацию через соотнесение индивидом себя с определенной социальной общностью представленной национальной группой. Национальная группа понимается как сформировавшееся в ходе исторического развития общества объединение людей, объясняющих свое единство воображаемым или реальным единством происхождения, этнонимом, общим языком и историей, общей культурой и схожими моделями поведения.

Историографии изучения проблемы позволяют аналитически разделить исследовательские стратегии изучения национальной идентификации как социального явления на четыре направления.

Социально-политическое направление. В его рамках исследователь обращал первостепенное внимание на роль государства и соответствующих органов власти в процессе их воздействия на процедуры и процессы обретения человеком новой социальной идентификации национального типа. Поэтому изменения, происходящие в политическом устройстве европейского государства в ходе разворачивающейся национально-политической борьбы, имманентно включали в себя национальную идентификацию. Осуществляя ее, индивид принимал новый комплекс социальных ролей, связанных, прежде всего, с системой демократических властных институтов и, соответственно, с политическим признанием гражданских прав.

Структурно-функциональный подход. Согласно с парсоновской моделью общественного устройства этот подход заставлял исследователя увидеть в национальной идентификации определенную часть культурной подсистемы. Идентификации национального образа были элементами культуры, при помощи которых происходила взаимная интеграция разнородных социальных институтов в большую общественную систему, описываемую при помощи категорий государство и нация. В конечном итоге, национальная идентификация интерпретиро-

валась как рядовой элемент культурной подсистемы, которая в своей системной совокупности определяет интеграцию общества в целостное образование

Эволюционистская (историческая) школа Для нее характерно переклещивание внимания с процессов социального взаимодействия между людьми, использующими в своих идентификационных кодах фактор национальной дифференциации социальных групп, на собственно исторические условия и процессы, в ходе которых фактор национальной идентификации стал значимым для индустриального общества элементом миропонимания. Поэтому национальная идентификация, помещенная в дискурс исторической и культурной ретроспектив, становится элементом, обеспечивающим преемственность между поколениями и объединяющим разные культурно-исторические эпохи в единое целое. В качестве ядра, вокруг которого происходит формирование нации, объединяются этнические, языковые и культурные идентичности со всем многообразием их социальных конфигураций. В своей исторической совокупности эти идентичности определяют национальную идентификацию человека в конкретном социальном пространстве.

Нарративная школа Исследователи, работающие в рамках нарративного подхода, проводят реконструкцию процессов национальной идентификации в мельчайших деталях. Они описывают национальную идентификацию с очень большой детализацией, сводя ее до уровня повседневности. Этот подход сосредоточивает внимание на бытовых аспектах национальной идентификации, так как именно укорененные в повседневной жизни символы и способы коммуникации позволяют сопоставить индивиду себя с чужаком.

Для любого из этих подходов велика значимость культурных элементов национальной идентификации. На этом аспекте, зависимости национальной идентификации от воздействия на процесс соотношения индивидом себя с национальной группой культурных стилей, формул и предубеждений мышления, автоматизмов мысли свойственных людям в соответствующую культурную эпоху сконцентрировал внимание Б. Андерсон. Результатом его исследования национальной идентификации как социокультурного продукта, стала новая концепция нации – как способа «связывать воедино, в целостном восприятии, пространство, время и человеческую солидарность. Особенность этого соединения заключается в том, что оно не осуществимо без воображения, обосновывающего коллективную связь»¹⁴. Помещая процесс национальной идентификации в поле культуры, Андерсон согласовывал его не с глобальными законами исторического развития, но с трансформациями в культуре. Актуализацию вопроса национальной идентификации Андерсон, вполне традиционно, связывает с распадом традиционных социальных сообществ, и возникающей потребностью в новом способе идентификации и новых принципах объединения. Т.е. соотношение индивидом себя с определенной социальной общностью представленной национальной группой происходит в ходе социального присвоения особого культурного стиля, что соотносимо с процессом социализации индивида. Важнейшим фактором, оказы-

¹⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М., 2001. С. 10

вающим влияние на результат такой социализации, становится социальная коммуникация человека с институтами культуры представленными школой, печатной продукцией и средствами массовой информации. Она специфически изменяет мировоззрения индивида, в результате чего формируется особый социокультурный феномен обозначаемый как «националистическое воображение». Именно, «воображение» становится главным социальным фактором, объединяющим людей в такую социальную общность, как национальная группа. Если масштабы этой группы достаточно велики и опираются на осознание своей политической и территориальной обособленности от других подобных групп, то это может стать источником социальных процессов, ведущим к попыткам обособления такой национальной группы в самостоятельное государственное образование.

Во втором параграфе «Место национальной идентификации в процессах социальной идентификации (трансформации)» проводится анализ процессов социальной деформации легитимных социальных identifications, которыми оперирует современный человек и формирование среди них социальных предпосылок и культурного материала для актуализации процесса национальной идентификации.

Описано, как в условиях социального кризиса институты начинают утрачивать свое нормативное воздействие на поведение индивидов. Нарастают социальные отклонения, масштабность и социальное воздействие которых уже невозможно становится объяснить локальными девиациями. Социальный кризис стимулирует смену системных ценностно-нормативных ориентиров общественного развития. Подвергаются ломке и пересмотру нормы и правила, регулировавшие социальное взаимодействие на протяжении долгих десятилетий, и ставшие для многих людей естественным регулятором общественной жизни. Это время институциональной трансформации.

Дано описание модели анализа кризиса социальных identifications профессиональной, легитимной социально-групповой и территориальной.

Наблюдаясь в условиях кризиса девальвация прежних норм и эталонов социального поведения и прежних социальных статусов способствует социальной неопределенности в отношениях и требует возникновения новых групповых образцов. Сталкиваясь с проблемами в профессиональной деятельности, ощущая перемены своего публичного легитимного статуса, индивид оказывается перед необходимостью каким-то образом все же определить свое социальное лицо. Одним из заместителей комплекса социальных identifications, органично вбирающих в себя остатки от профессиональной, легитимной и территориальной идентификации, может стать вариант национальной идентификации. Национальная идентификация обладает социальным потенциалом компенсировать и профессиональную девальвацию статуса, и предложить собственную сегрегацию социального мира, и выполнить объединяющие функции территориальной идентификации.

Таким образом, национальный фактор может оказаться актуализированным и востребованным в условиях масштабных социальных перемен, как универсальный внеинституциональный культурный комплекс, скрепляющий элементы рас-

коловшегося социального пространства. В пользу следования его установлениям, человек достаточно легко найдет доказательства, если откажется от установок рационального социального знания о мире предлагаемых индустриальным социумом и закрепленных прежней социальной структурой в системе социальных идентификаций

В третьем параграфе «Личностный аспект национальной идентификации» говорится о том, что идентификация человека с социальными группами зависит не только от характера изменений в структуре и конфигурации общества. Она зависит от социальной презентации эмоциональных переживаний человека относительно происходящих перемен в поле социального взаимодействия, что влияет на когнитивные модели осознания социального мира и происходящих в нем процессов. В этой связи представляется необходимым рассмотреть актуализацию элементов национальной идентификации в контексте личностного переживания индивидом процесса трансформации социальных институтов.

В качестве основы для социальной интерпретации психологических переживаний заполняющих сознание человека в эпоху перемен, использована социологическая концепция Бурдьё о социальной связи между личностью, культурой и социальной системой посредством габитуса – личностно присвоенных социальным деятелем институализированных структур общества. Эта теория позволяет интерпретировать комплекс жизненных переживаний индивида как часть социальных процессов, которые прежде чем приобретут институциональную укорененность, проходят через процедуры социально-психологической обработки и формируют предубеждения восприятия индивида.

Социальные перемены, помимо своего институционального воздействия на общество и социальные группы, определенным образом отражаются на жизненных позициях индивида. Социальная идентификация человека в стабильном обществе формировалась под влиянием определенной ценностной системы. Каждый индивид располагал социальными ресурсами для оценки ситуации и мог адекватно ей использовать ролевую стратегию действия из накопленного в ходе социализации багажа. В контексте этой системы ролей и соотносимых с ней институциональных образцов, у человека формировалась его идентичность. Последняя, в ходе взаимодействия с социальной системой индустриального варианта, была структурно дифференцирована. В зависимости от конфигурации ценностей и культурных традиций в социальном сознании носителей она могла быть соотнесена с определенной субкультурой общества, а укорененные технологии социального действия дополняли ее институционально-стилевой дифференциацией. Динамика этой социальной совокупности зависела от личностного восприятия индивидом происходящего.

Актуализации националистических идей в постсоветской реальности в большой степени способствовал распад большой наднациональной общности – «советского народа». Эта общность была привязана к определенной территории (слепленной из более мелких анклавов). У этой общности имелись свои мифы. Они удовлетворяли психологическую потребность в обретении собственного социально-исторического прошлого, актуализируясь в среде отдельных нацио-

нальных групп именно с распадом общности «советских людей». Конструирование исторического прошлого, для общности в целом, выполняло задачу заполнения образовавшихся исторических неопределенностей. объяснение преемственности между современной нацией и социальной (этнической) общностью прошлого. Для индивида, находящегося в состоянии кризиса идентичности, это может стать относительно доступным для освоения компенсаторным механизмом (социальным и культурным) и основой формирования новой личностной целостности.

Таким образом, через анализ социально-психологического восприятия перемен показано, что комплекс социальных эмоций, заполняющих социальное сознание индивида, становится опорным пунктом социального выбора «кризисных» моделей реагирования человека на масштабные социальные трансформации. Органической частью этих моделей выступает негативная оценка происходящих перемен, опирающаяся на ощущение фрустрации личности, как целостного социального «Я» индивида. Отчуждение от принятия реальной действительности становится главной причиной формирования чувства социальной ностальгии, которая перенастраивает временную ориентацию людей на прошлое и оказывает серьезное противодействие процессу упрочнения рациональных социальных институтов. Вместе с тем, процессы фрустрации, как часть психологии постсоветского человека, не только усиливают тягу к мифологизированному прошлому, но и способствуют распространению ксенофобии, вариантом которой становится национальная идентификация окружающих согласно их этническим признакам. Вместе с тем, национальный фактор, в силу своей социальной дихотомии, становится частью личностного ощущения человеком своего повседневного образа и соответствующей идентичности. Усиливаясь, за счет процессов социальной ностальгии, национальный компонент может претендовать на выполнение функции психологической компенсации, заменяя разрушившиеся механизмы социально-психологической компенсации и усиливая отчуждение от иных вариантов компенсаций, предлагаемых а priori скомпрометированным социальным окружением.

В четвертом параграфе «Особенности национальной идентификации в постсоветском российском обществе» показаны специфические условия процессов социальной идентификации национального образа в условиях краха социалистической модели социального устройства.

После распада Советского Союза и оформления бывших союзных республик в независимые суверенные государства вопрос о национальном самоопределении стал актуален и для субъектов РФ являющихся местами компактного проживания различных этнических групп. Предпосылки для этого, во многом, были заложены в период формирования и существования СССР, в частности в его этнотерриториальной структуре. Как отмечал В. Тишков: «В 1960-1980-е годы в республиках сложились мощные интеллектуальные элиты, достаточно сильные кадры местной бюрократии, политиков и управленцев, а средний уровень образования, особенно пропорция лиц с высшим образованием и учеными степенями значительно превысил общесоюзные показатели. т е среди основного населения

России. Растущий интеллектуальный потенциал и влияние периферийных элит дополнялось демографическими факторами: рост численности большинства нерусских (вернее, неславянских) народов значительно опережал аналогичные показатели среди русских». ¹⁵

Представляется возможным, с учетом специфики социалистической идеологии, соотносить описываемый процесс с феноменом, который Б. Андерсон на примере столкновения стран «третьего мира» с европейскими культурой, обозначал термином «книгопечатный капитализм», когда создание литературного языка и выпуск печатных изданий на нем способствовал формированию местной этнической элиты.

Информационная легитимация националистического фактора становится одним из элементов процессов социальной идентификации проходящих в постсоветском обществе. Опираясь на идеи преемственности от мифологизированного исторического прошлого, формируется то, что можно обозначить уже как национальное самосознание. Именно оно становится цементирующим элементом для социальной презентации групповой идентификации индивида как члена национальной социальной общности. Важную роль здесь может выполнять религиозный фактор. Он дополняет историко-мифологический элемент идеологической конструкции и тем самым способствует социальному объединению национальной группы. Так как социальные практики, основанные на национальной идентификации, только проходят через этапы институционализации, то национальная идентификация с группой предстает для человека лишь одним из выборов в поле социальной деятельности. Но выбором очень привлекательным.

В экономическом пространстве пересечения элитарных и массовых интерпретаций социальных интересов возникает проблемное поле. Новые модели социального взаимодействия не могут укорениться, если у индивидов, следующих им, отсутствует соответствующая социальная идентификация. Как уже говорилось, в новом обществе, прежние советские социальные идентификации и маркеры уже не могут адекватно решать социальные задачи. Новая социальная реальность требует признания новых экономических групп и, выстраивания иных способов социального взаимодействия, а значит и новых способов социальной идентификации. Причем эта новая идентификация не должна восприниматься человеком как чужеродная.

Таким образом, можно сказать, что распад СССР, политические заявления, в которых делался акцент на национальных и религиозных характеристиках, личностно переживаемое человеком крушение социального порядка привело и к кризису социальной идентификации и к размыванию границ между нормативами поведения, предлагаемой социальной реальностью и интерпретацией этой реальности на языке низовой культуры. На повседневном уровне социального освоения действительности это воспринималось как снятие некоего табу с национальной темы.

¹⁵ Тишков, В. А. Региональные проблемы межнациональных отношений в России. — Омск, 1993. С. 265-277.

Можно отметить, что политические заявления эпохи кризиса совпадали с установками мифологизированного представления о «чужом», об «ином», сохранявшимися в низовой культуре. Легитимация национальной темы и формирование новой идентификации получала поддержку со стороны средств массового искусства. Национальная тема перестала быть достоянием только бытовой сферы и устного фольклора. Ее социальная презентация распространилась на более широкий слой интерпретаций социального мира.

Все эти процессы повлекли за собой формирование новых национальных мифов. Привычные на языке низовой культуры для рядовых граждан представления об инационалах, проникнув в систему информационного обмена, стали употребляться в реальных моделях социальной интерпретации происходящего.

В итоге, для постсоветского общества поле национальных отношений становится одной из важных составляющих социально-политического взаимодействия между властью и обществом. При всем том, институализацию новых национально-групповых идентификаций нельзя считать завершившейся. Национальный фактор входит в социальную жизнь современного общества, но не смог еще определить свое социальное место в новой социальной конфигурации. Последняя, также еще не приобрела завершенных очертаний. Именно сочетание этих двух тенденций: актуализации фактора национальной социальной идентификации и текущие процессы социального конструирования, делают возможным укоренение и упрочнение позиций национально-групповой идентификации в социальном взаимодействии между людьми.

Во второй главе «Конфликтно-динамичные процессы национальной идентификации в Пермской области» на примере многонационального региона показано, каким образом проходит национальная идентификация в одном из уникальных с точки зрения национальной составляющей районов Пермской области.

В первом параграфе «Условия национальной идентификации», показано, что Пермская область является одним из крупнейших многонациональных регионов Российской Федерации. В ее пределах в середине 90-х годов XX века проживали представители более 100 национальностей. Их проживание нельзя назвать локальным или компактным, по национальному признаку. Это создаст особую специфику национального взаимодействия людей в повседневной жизни, заставляя их активно или латентно самоопределяться относительно фактора национальной идентификации в системе социальных идентификаций. В то же время, социальный кризис особенно остро может сказываться на процессах национальной идентификации, актуализируя их составляющие в самых разнородных социальных полях.

При рассмотрении условий социальной идентификации, сложившихся за пределами областного центра, - можно указать на ряд аспектов этих условий находящихся в зависимости от особенностей каждой местности. В области существуют как крупные промышленные центры, так и районы, традиционно ориентированные в своей экономической деятельности на сельское хозяйство.

Учитывая многонациональный состав Пермского региона, концепция национального возрождения и самоопределения прижилась здесь довольно успешно. Возрождению национального сознания способствует как общероссийская политика, так и реальные шаги, предпринимаемые в этом направлении областной администрацией. Столичные социологи еще в 1998 году отмечали, что в области стабильно функционирует 131 национальное образовательное учреждение (76 школ, 53 дошкольных образовательных учреждения, детский дом, специальная (коррекционная) школа), в которых воспитывается и обучается более 8400 детей татарской, удмуртской и марийской национальностей в 4-х школах родной язык изучается факультативно. Широко используются возможности воскресных школ для взрослых и детей. Инициаторами их создания являются национальные объединения (еврейская национально-культурная автономия, центр польской культуры, общества российских немцев, армян, азербайджанцев т.д.)¹⁶

Общеобразовательные учреждения в районах, считающихся национальными, активно внедряют в образовательную программу элементы национальной культуры.

Администрации таких районов налаживают контакты с национальными регионами. Так, тюркоязычные (татарские и башкирские) районы взаимодействуют с Татарстаном и Башкортостаном в рамках внедрения программ национального образования, и повышения квалификации педагогов. Районы, где среди проживающих заметна доля финно-угорского населения (коми, удмурты и т.п.) получают, как культурную, так и финансовую поддержку в рамках развития финно-угорских культур.

Бардымский район – это местность компактного проживания татароязычного (тюркоязычного) населения, которое в советские годы в паспортах было номинировано башкирами. Татарский язык с добавлением башкирских слов здесь является основным языком общения для населения.

Бардымский район – глубинный, расположен в южной части Пермской области в бассейне реки Тулвы и ее левого притока реки Барды. Территория – 2382,3 кв. км, население – 29,6 тыс. чел. В районе находятся 17 сельских советов, 65 населенных пунктов. Район образован в 1924 г. В феврале 1962 г. он был ликвидирован, а 12 января 1965 г. восстановлен.

Если Пермская область представляет собой регион, где оказались административно соединены территории с разными вариантами социально-экономического и культурного укладов, то даже в этом ряду Бардымский район выглядит уникально, в силу того, что в нем в систему социально-институциональных трансформаций общественной структуры и социального взаимодействия вписывается национальный компонент культуры. Значимость национального фактора усиливают наметившиеся экономические и культурные контакты с иными административными образованиями – Татарстаном и Башкортостаном, которые не входят в состав Пермской области, а представляют собой самостоятельные субъекты Российской Федерации. Влияние Татарстана и Баш-

¹⁶ См.: Этнические проблемы регионов. Пермская область – М.: 1998, с. 32

кортостана в тоже время ослабляло прямую оппозицию Бардымского анклава Пермской области. что повлияло, прежде всего, на ослабление воздействия религиозного фактора на собственно процессы национальной идентификации.

Национальная идентификация в Бардымском районе разворачивается в сложных социокультурных условиях, так как, несмотря на внешнее подобие религиозных и языковых практик национально-культурным образцам из других регионов, жители этого района выделяют собственную территориальную идентичность как независимую и самостоятельную в национально-культурном вопросе и от Татарстана и от Башкортостана.

Во втором параграфе «Индикаторы национальной идентификации населения Бардымского района» на материалах интервью социологического исследования проводится анализ, какие социокультурные параметры приобрели в Бардымской общности статус национальных идентификаторов.

В современных условиях в общественном взаимодействии фактор национальной идентификации становится зримым элементом социальной маркировки. Люди, принадлежащие к самым разным социальным группам, стратам и культурам соприкасаются с элементами национальной идентификации в своей рутинной повседневной жизни и вынуждены конструировать собственный вариант ответа на национальную тему. В условиях социокультурной неопределенности и институционального кризиса, складывающиеся схемы национальной идентификации приобретают внеинституциональный характер

Национальная идентификация в Бардымском районе выступает составной частью процесса социализации современного индивида. Бардымский район представляет собой модель национально-территориального образования, в котором фактор национальной идентификации объективно выступает компонентом социальной идентификации индивида в новых условиях. Для успешного прохождения данного процесса индивиду необходимы определенные ориентиры, которые должны помогать ему соотносить себя с определенной национальной общностью и отличать эту общность от других подобных групп. Иными словами, процесс национальной идентификации опирается на структуру социальных различий, заданных в системе социального ориентирования индивида в ходе осуществления практических шагов при формировании своей социальной карьеры. Очертить эту структуры можно посредством выделения особых маркеров национальной идентификации, которые выступают для общности элементами особого социального эталона национального образа. Такими маркерами в исследовании стали: лингвистическая, религиозная и культурно-территориальная модель социальной идентификации национального образа.

Переход преподавания в школах района на татарский язык стимулируется активными культурными коммуникациями с Татарстаном. Он оказывает помощь учебниками, поддержкой национально-культурных инициатив и социальными льготами для выпускников, поступающих в вузы в Татарстане. Можно так же сказать что многие школы района превратились в национальные школы, так как преподавание в них ведется на татарском языке. Справедливости ради отметим, что существуют так же и школы, работающие по общепринятой образовательной

программе, в которых национальный язык и культура являются лишь предметами дополнительного изучения. Тем не менее, в двадцати двух школах Бардымского района преподавание ведется полностью на татарском языке. Выпускники этих школ могут претендовать на льготное поступление в высшие учебные заведения Татарстана, а не Перми.

В ходе интервью было выяснено, что татарский язык для местных жителей становится частью очевидных доказательств социального присутствия национальной дифференциации в современной общности. Его естественное отличие от языковых элементов коммуникации составляющих, согласно представлениям «бардымцев», естественный элемент жизни «русских» территорий, образцом которых выступает г. Пермь, формирует основания для поиска социальных ориентиров среди других национальных территорий. Т.е., воспринимая «русскую» общность как социальный эталон, подтвержденный административным единством района с Пермской областью, жители Барды определяют собственный вариант коммуникационного взаимодействия, как не совпадающий с этим эталоном и потому готовы к рефлексии над источниками этой ситуации. Социальная значимость языкового барьера настолько актуальна, что почти все наши интервьюируемые начинали говорить именно о нем в начале беседы на тему национальной культуры. Важность этого элемента для местных жителей проявляется постоянно, независимо от этнической самоидентификации, и оно имеет вполне зримое социальное выражение, что можно наблюдать, когда освоение разговорного «татарского» языка становится обязательным условием семейной жизни при переселении одного из супругов из областного центра в Барду.

Именно роль языка в системе социальных идентификаций, заставляет местных жителей найти социальное объяснение административно-территориальной отделенности Бардымского района от Татарстана и Башкортостана, которая совсем не воспринимается, как ущербная социальная позиция. Наоборот, формируется осознание себя особой языковой и культурной общностью, обладающей даже более высоким статусом по отношению к национальным республикам. Называя себя «гайнийцами» или «уникальными бардымцами» местные жители демонстрируют, что у них укоренено особое социальное самосознание, на которое как раз и указывает изобретенный этноним, как еще один более сложный с точки зрения социального анализа, индикатор национальной идентификации.

На указанном фундаменте проявляют свою социальную значимость другие индикаторы национальной идентификации: мусульманская религия, национально-культурные праздники, районная версия татарского праздника Сабантуй, под названием Сабантуй-Барда-Зиен вместе с другими праздниками. Сюда же можно отнести национальные варианты одежды: в интервью встречались ссылки на специфику пошива национальных головных уборов, а также само по себе административное оформление татаро-башкирской общности на территории Пермской области, как отдельного района.

Вся совокупность обозначенных индикаторов, и ее функционирование как системы социальной идентификации индивида, получила вполне реальное социальное применение в Бардымском районе Пермской области. Источники того,

как складывалась эта модель социальной сегрегации, столь укорененная в социальных образах жителей района. причем сознательно сочетаемая с системой обычных (профессиональных, стратификационных и др.) социальных маркеров освоенных в ходе получения профессии и формирования своей карьеры, в настоящем исследовании не рассматриваются. Тем не менее, можно с полной определенностью указать, что для бардымцев национальная культура стала реальным социальным фактором, интегрировавшим в себе противоречивые и разрозненные социальные идентификаторы самых различных социальных моделей. В этом качестве она становится основной моделью в частных и публичных социальных коммуникациях, вводя национальный компонент в формирующуюся систему институционального взаимодействия, как естественную норму для социальных акторов.

В третьем параграфе «Конфликтное поле национальной идентификации» показано, что актуализация национальной идентификации, как естественной составляющей процесса современной социальной идентификации у жителей Бардымского района, приводит к тому, что происходит конфликтное столкновение различных вариантов национального определения.

Вовлеченность индивида в процесс национальной идентификации предполагает появление двойных стандартов в системе социальных отношений. Даже в устойчивом социуме актуализация процесса национальной идентификации проблематизирует процесс выполнения обширного комплекса самых разных социальных ролей, до этого считавшихся естественными, так как стремиться провести структурирование социального мира с учетом национального компонента. В ситуации институциональной деформации влияние национальной идентификации на процессы социального конструирования реальности оказываются еще более значимыми.

Культурные элементы и модели поведения, связанные с национальным фактором, присутствуют в социальном мировоззрении бардымцев довольно длительное время и являются привычными для представителей различных этнических общностей проживающих на территории района. До недавнего времени, их социальные проявления были ограничены пространством частной жизни людей. В ходе последнего десятилетия, социальные процессы институциональной деформации позволили национальным моделям проникнуть в самые разные области публичной социальной жизни. Можно сказать, что хабиутализация национальных идентификаций уже пройдена и наступила стадия социальной типизации и публичной легитимации, так как новое поколение уже проходит социализацию в системе школьного образования, выстроенного с неременным учетом национального компонента. Поэтому национальные модели социальной идентификации получили прописку в системе социализации школьников, что конечно через некоторое время более явно скажется на дальнейших моделях социальной карьеры, которую будут выбирать выпускники не только национальных, но и общеобразовательных школ.

Территориальная включенность района в Пермскую область продолжает оставаться важным ориентиром социальных и административных стратегий. Ее

значимость уменьшается, по мере усиления социально-культурных коммуникаций с Уфой и Казанью, которые готовы выстраивать социальную коммуникацию с опорой на национальном компоненте

В целом, соединение национальной идентификации с условиями, в которых протекает повседневная жизнь жителей Бардымского района делает локальное социальное взаимодействие довольно стабильным, хотя и не совсем политкорректным. Однако, проникновение импульсов иных социокультурных моделей при помощи средств массовой информации, образовательных миграций, и других, естественных для индустриализированного социума процессов социальной мобильности, заставляет постоянно обращаться к ресурсам национальной идентификации, для объяснения происходящего. Столкновение элементов национальной и социальной идентификации усиливает напряженность национальных отношений, в то же время актуализируя национальный вариант определения индивидом своего места в группе и в общности

Исследование показало, что социальные микроконфликты национального плана дополняются расхождениями в национально-культурной модели интерпретации социального пространства в различных ситуациях у одних и тех же людей. Поэтому национальная напряженность порождается и усиливается не только в ходе столкновения с чужими национально-осознаваемыми социальными идентификаторами, но и становится внутренне конфликтным процессом, в который, в самых разных качествах, оказываются вовлечены сами жители Бардымского территориального образования, со своими многочисленными интерпретациями собственной национально-культурной общности

В силу указанных процессов социальной деформации общественных структур конфликтное поле национальной идентификации в Бардымском районе опирается на систему социальной дифференциации в самых разных социальных пространствах. Выделение элементов идентификации для собственной национальной группы воспринимается естественной процедурой, соответственно происходит идентификация и представителей других национальных сообществ в ходе обыденной социальной коммуникации. Отсутствие конфликтов и напряженности в открытой форме, предположительно, может быть обусловлено такими причинами как социально-экономическая замкнутость и компактность проживания, а так же тем фактом, что Бардымский район является сельским и сохраняет элементы традиционализма.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы и обозначаются перспективы дальнейших исследований.

В результате проделанной работы можно утверждать, что в Бардымском районе Пермской области мы имеем дело с особым видом национального самоопределения, локальным по своим масштабам. Национальное самоопределение жителей Бардымской общности, как гайнинцев, предполагает возврат их к более архаичным формам общественных коммуникаций, т.е. редукцию к национальному идентификатору, существовавшему до современного индустриального социума. В изучавшемся процессе национальной идентификации можно увидеть,

что местное население производит самостоятельную замену воспринимаемых как чуждые национальных автономий: башкирская уступает место татарам-гайнинцам, которые затем начинают все увереннее звучать как гайнинцы, с актуализацией и даже манифестацией отличий от татарского этноса. Таким образом, в условиях современного институционального кризиса Бардымское локальное национально-территориальное сообщество конструирует свою собственную национальную идентичность. Тем не менее, можно утверждать, что самоопределение происходит по образцам заимствованным из татарской культуры, с малыми корректировками посредством национально-культурных традиций самого региона.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Абрамов М.Д. К вопросу о национальных традициях в индустриальной культуре //Культурный мир меняющейся России. Материалы пятнадцатой Всероссийской конференции «Майские чтения» – Пермь, ПГТУ, 2003. С. 76-77.

2. Абрамов М.Д. К вопросу о влиянии личностных факторов и поведенческих установок на возникновение национальной напряженности в постсоветском обществе //В кругу культуры. Сб. научных статей – Пермь, РИО ПГТУ 2003. С. 224-229.

3. Абрамов М.Д. Трудовые отношения в период социальной катастрофы //Пермская областная конференция «Региональный рынок труда и профессиональная ориентация: практика и научный поиск» Сборник статей и тезисов. - Пермь, 2003. С. 64-66

4. Абрамов М.Д. К вопросу о конструировании национальной культуры политической элитой (на материалах Пермской области) //Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (29 апреля 2004 г.) Том II - Пермь, ПГТУ 2004. С. 10-13.

5. Абрамов М.Д. Агрессивные молодежные движения и организации в современном городе. //Материалы шестнадцатой Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения» - Пермь, ПГТУ 2004. С. 97-99.

6. Абрамов М.Д. Дж. Бройн: национализм как политическое явление //Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Ч. 3. - Екатеринбург, УрГУ 2004. С. 3-6.

7. Абрамов М.Д. Кризис легитимных групп как основа для новых социальных идентификаций //Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Том II - Пермь, ПГТУ 2004. С. 130-133.

Лицензия ПД-11-0002 от 15.12.99

Подписано в печать 29.04.2005. Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,38.
Бумага ВХИ. Формат 90Х60/16. Набор компьютерный.
Заказ № 525/2005.

Отпечатано на ризографе в отделе Электронных издательских систем
ОЦНИТ Пермского государственного технического университета
614000, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к 113, т.(3422) 198-033

РНБ Русский фонд

2005-4

29053

1013

09 10 2005